

Мигранова Лилия Шатлыковна

СИМВОЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПРИСТАВКИНА "КУКУШАТА, ИЛИ ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ СЕРДЦА")

В статье на материале повести А. Приставкина проанализированы символичные компоненты фразеологизмов. Развитие лингвокультурологического направления исследования фразеологии ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологической единицы и знаков культуры и актуализирует значение системы символов. Интерпретация образного основания, заключенного во внутренней форме фразеологизма, демонстрируется на основе соотнесения образа фразеологизма с кодами культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-137. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

возникает в поэтике Толкиена под влиянием работ Августина Блаженного и осмысливается как глубоко индивидуально-познающее, испытание, личностно-волевое становление, поиск, возвращение и искупление. Только через физическое страдание возможно истинное очищение и духовное освобождение, что и нашло отражение не только в анализируемом рассказе, но и в творчестве Дж. Р. Р. Толкиена в целом.

На наш взгляд, создавая рассказ «Дерево и лист» с его особой системой миропредставления, Толкиен строит свой мир в ассоциативной связи с историей реального мира, это способность к более полному постижению мировой культуры и истории: пространственные границы вырисовываются с топографическими подробностями на картах Средиземья эпопеи «Властелин Колец», главного «Дерева» в жизни Дж. Р. Р. Толкиена.

Список литературы

1. Кабаков Р. И. «Повелитель колец» Дж. Р. Р. Толкина: эпос или роман? Л., 1988. 14 с.
2. Кошелев С. Л. Философская фантастика в современной английской литературе: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 16 с.
3. Луговая Е. А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория. Ставрополь, 2006. 189 с.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Азбуковник, 2000. 368 с.
5. Серебрякова С. В. Концептуальная целостность художественного текста как переводческая проблема // Этнокультурная концептология: международный сборник научных трудов. Элиста, 2006. Вып. 1. С. 259-264.
6. Толкин Дж. Р. Р. Дерево и лист / пер. Е. Гиппиус. М., 1975. 157 с.
7. Толкин Дж. Р. Р. Лист работы Мелкина / пер. С. Кошелева. М., 1984. 38 с.
8. Толкиен Дж. Р. Р. Лист кисти Ниггля / пер. О. Степашкиной. М., 1997. 114 с.
9. **The Oxford Russian Dictionary.** English-Russian / ed. by P. Falla; revised by C. Hawlett. Oxford – Moscow, 1997. 738 p.
10. **Tolkien J. R. R.** The Letters... / ed. by H. Carpenter. L.: Unwin Paperbacks, 1981. 171 с.
11. **Tolkien J. R. R.** Tree and Leaf / ed. by H. Carpenter. L.: Unwin Paperbacks, 1983. 358 p.

THE KEYWORD «JOURNEY» IN WORKS OF «FANTASY» GENRE: TRANSLATION ASPECT

Lugovaya Ekaterina Aleksandrovna, Ph. D. In Philology
Stavropol State Pedagogical Institute
ek.lugovaya@yandex.ru

The article discusses the specificity of works of «fantasy» genre in the translation aspect, namely the means of realization of the keyword «journey» in J. R. R. Tolkien's linguistic world-image. The author investigates the linguistic personality of the translator as the carrier of the ethno-linguistic information not always relevant to his culture and enabling to characterize the linguistic world-image of the creator of the secondary text.

Key words and phrases: works of «fantasy» genre; translation aspect; key lexeme «journey»; concept «put» as complex structural formation?; linguistic personality of translator; system of world representations.

УДК 8; 81-119

Филологические науки

В статье на материале повести А. Приставкина проанализированы символичные компоненты фразеологизмов. Развитие лингвокультурологического направления исследования фразеологии ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологической единицы и знаков культуры и актуализирует значение системы символов. Интерпретация образного основания, заключенного во внутренней форме фразеологизма, демонстрируется на основе соотнесения образа фразеологизма с кодами культуры.

Ключевые слова и фразы: фразеологическая единица; символ; знак культуры; образ; коды культуры.

Мигранова Лилия Шатлыковна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
lilimigranova@gmail.com

СИМВОЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПРИСТАВКИНА «КУКУШАТА, ИЛИ ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ СЕРДЦА»)©

Фразеологическая система языка – явление сложное, многомерное, гетерогенное, что предполагает возможность разных аспектов ее рассмотрения. Развитие лингвокультурологического направления изучения фразеологии ориентирует исследователя на изучение фразеологических единиц как знаков культуры.

В структуре фразеологизма у отдельных компонентов вырабатывается символическое значение. Такие фразеологизмы требуют особого изучения. М. Л. Ковшова предполагает, что эти фразеологизмы, сохраняя свою языковую функцию и собственно языковое значение, развивают в семантике символический компонент, т.е. передают культурную идею с присущим ей ценностным содержанием [3, с. 27]. Таким образом, для раскрытия культурного содержания фразем важно представить описание символов.

В основе символа лежит образ, обладающий бесконечностью границ смысловой интерпретации. Символический характер составляющих фразеологизма является важным элементом внутренней формы устойчивого оборота. Он формируется в языковом сознании на основе реальных фактов бытия. Символ создается за счет фоновых знаний и определяется национальными, культурологическими, социальными факторами. Увидеть образ, описать, интерпретировать его помогает культурный контекст. Интерпретация (раскрытие образа) фраземы дается на основе соотнесения внутренней формы с кодами культуры. Итак, слова-компоненты (реалии) в составе фразеологизма обладают ценным символическим содержанием.

Образы, заключенные во внутренней форме фразеологической единицы, помогают передать читателю авторское видение и миропонимание. Поэтому, на наш взгляд, они являются ключевыми в разработке концептуального содержания произведения, соответственно, должны рассматриваться как важнейшие элементы в структуре целого. Авторская языковая картина мира, его миропонимание передается компонентами семантической структуры фразеологизма, «единством ее основных составляющих: фразеологического значения и внутренней формы, образной основы, в которую инвариантное значение фразеологической единицы кодируется языковым сознанием» [4, с. 276]. Именно в контексте раскрывается образ устойчивого оборота, реализуются свойства его семантики, актуализируется его значение. К тому же символическое значение компонентов фразеологического оборота подчас отражает сложный путь развития образа. Представляется интересным исследование скрытого потенциального смысла компонентов фразем, подверженных символизации, которые призваны раскрыть идею произведения.

«У нас тоже был прощальный! Жаль, что сами сгорим. Да кому жаль-то? Самим себя, и то не очень. Не велика, как говорят, потеря. Может, какая сердобольная старуха из голятовинских поселковых, заведя пламя, и перекрестится: мол, отмучились, окаянные, прости им, Боже, их согрешения! А остальные еще с облегчением вздохнут: издохли ироды, туда им и дорога! Жили, *небо коптели*, как паразиты, так и сдохли не лучше! Тьфу! Тьфу! Тьфу! Не мой глаз!» [8, с. 268].

Небо коптит. Существовать без определенной жизненной цели, жить без пользы для других.

Фразеологизм возник на основе пословицы *Без дела жить – только небо коптит*. Образ фразеологизма восходит к аналогиям «жизнь – горение», «смерть – угасание», а также к более древнему архетипическому противопоставлению «свет – тьма», символизирующему, в свою очередь, противопоставление «жизни» и «смерти»; например, древнегреческий миф о Прометее, подарившем людям огонь как символ жизни. Фразеологизм основан на противопоставлении образов яркого горения и тусклого, смрадного тления. В образе горения отражено представление об активной, приносящей пользу людям жизнедеятельности человека, призванного своим существованием украшать Землю.

В образе фразеологизма компонент *небо* соотносится с космическим кодом культуры, а компонент *коптит* – со связанным с деятельностью человека акциональным и антропным кодом. Метафорический образ постепенного угасания, тления воспринимается как загрязнение неба – символа высшей чистоты, что согласуется с универсальным для многих древнейших культур представлением о небесном своде как о хрустально чистом пространстве, «венчающем» землю. Фразеологизм в целом отображает универсальную для европейской культуры установку, предписывающую человеку активную деятельность, полезную и благотворную для него, для других людей и для окружающего природного мира [2, с. 476-477].

Рассмотренный фразеологический оборот передает общее представление об особом социальном классе людей («дети врагов народа», заключенные в специальные учреждения) как о асоциальных, ведущих паразитический образ жизни, существование которых окрашено в темный, черный цвет.

«Из района тем более не появляются, они давно на нас рукой махнули. Даже местная милиция, которой велено инструкциями за нами следить, не слишком-то себя утруждает. Встречи с нами и на улице – *не сахар*. Даже *не сахарин*. А в нашем *осином гнезде* и подавно» [8, с. 271].

Не сахар. Разг. неодобр. О чем-либо тягостном, неприятном (малоприятном); мало удовольствия, мало утешительного.

Образ фразеологизма соотносится с гастрономическим кодом культуры (продукты питания несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы). Сахар выступает как эталон сладости, которая метафорически отождествляется с чем-либо приятным и желанным вообще (ср. *сладкая жизнь*). В образе фразеологизма находит отражение метафора, уподобляющая вкусовые ощущения другим видам восприятия, межличностным отношениям [2, с. 475].

Сахарин – белый порошок, жгуче-сладкого вкуса, один из заменителей сахара. Авторский устойчивый оборот *не сахарин* в данном контексте содержит отрицательную коннотацию, вместе с частицей *даже* еще сильнее усиливает негативную оценку. Думается, образ строится на явлении энантиосемии: чем слаще, тем горче (по вкусовым ощущениям) и горше (в эмоциональном плане). К тому же, наблюдается контекстуальная градация: не сахар – не сахарин – осиное гнездо.

Осиное гнездо. Разг. презр. О жилище, скопище общественно вредных, опасных людей.

Образ фразеологизма соотносится с зооморфным кодом культуры, т.е. с совокупностью стереотипных представлений о свойствах, характеристиках поведения насекомых, выступающих как источник осмысления человеком мира. Символика образа осы определяется различными характерными чертами. Данный фразеологический оборот образован на основе такой особенности, как хищничество, агрессивность, жалающие свойства (бытует пословица «Осиного гнезда не тронь!»). Осы представляют собой несомненную опасность лишь в том случае, если человек нарушает их «покой», «мир», гнездовье. Примечательно то, что осы, в отличие от пчел, при обороне не жалят, а кусают объект тревоги, как бы набрасываются на него. Образ осы, в таком ключе, символизирует нападение, разрушение, уничтожение.

Отметим, что символика гнезда многозначна. Гнездо может обозначать место, где сосредоточена болезнь. Компонент *гнездо* соотносится с природным кодом культуры, метафорически отождествляется с опасным, хищным, враждебным, вредоносным местом.

«Женщина покачала головой. Такие, мол, Кукушата, что им, даже самому младшему, *палец в рот не клади*» [8, с. 280].

Палец в рот не клади. Разг. Кто-либо таков, что постоит за себя, не даст себя в обиду, не позволит себя провести, обмануть, с кем нужно быть осторожным; от него не добьешься помощи, сочувствия, доверия.

Выражение образовано усечением более пространной народной поговорки *палец в рот не клади, [а то] – откусит*, известной и в варианте *смирн, а не суй перста в рот – укусит*. Первоначально она употреблялась о смирном на вид, но коварном и непослушном животном – например, лошади, которая могла укусить, когда ей вкладывали в рот удила [5, с. 482].

Компоненты фразеологизма *палец и рот* соотносятся с соматическим кодом культуры, компонент *класть* – с акциональным кодом. Образ фразеологизма построен на метафорической аналогии повадки животного – поведение, поступки человека. Каждый конюх знает, что когда лошади вкладывают в рот удила, надо быть очень осторожным, т.к. не все лошади покладистые. В этом деле нужна и ловкость, и сноровка. Бывали случаи, когда строптивые лошади просто кусали своих хозяев. Так что, если конюх кладет палец в рот своей лошади – это высшая степень доверия.

Выражение это обозначает предостережение о том, что кто-то может просто воспользоваться вашей доверчивостью и простодушием.

«– Валяйте, – разрешил он, обращаясь к полу. Но тут же добавил: – Недолго. А остальные... Эти... Из *шайки-лейки*... Замолкни, и марш в зону!» [8, с. 282].

Шайка-лейка. Разг. неодобр. Компания людей, объединенных общими интересами (обычно недостойными, предосудительными), целями. Шайка – группа людей, уголовных элементов, объединившихся для какой-нибудь преступной деятельности [7, с. 891].

Слово «шайка» I заимствовано из украинского языка (чайка – запорожский казачий челн (лодка)), в котором оно передает турецкое *şaika* – «баржа, лодка, высокое судно». «Шайка» II – низкая деревянная банная посуда, заимствовано из турецкого *şaika* – посуда [10, с. 395].

Пираты, напав на торговое судно, затем оборудовали этот корабль для разбоя. Можно предположить, что шайкой стали называть ватагу речных или морских разбойников, а потом и «банду» вообще. В те времена старые корабли называли посудинами (слово «судно» имеет тот же корень, что и «посуда» [9, с. 275]). Лейка (в речи мореходов) – черпак для выливания воды из судна [7, с. 322]. Слово «лейка» добавилось к слову «шайка» для рифмы, к тому же наблюдается также аллитерация.

«...он (*учитель истории – прим. автора – Л. М.*) открывает свою главную в жизни книгу Сабанеева о рыбах и зачитывает нам наиболее захватывающие места о ловле угрей, лещей и окуней.

...А Бесик весело добавил:

– Он (*начальник поселковой милиции – прим. автора – Л. М.*) *ловит*... Только в *мутной водичке нашего брата!*» [8, с. 293].

Ловить рыбу в мутной воде. Преследовать свои корыстные цели, извлекать выгоду, пользуясь неясностью обстановки, разногласиями и т.п. Подразумевается нравственная нечистоплотность того, о ком говорится.

Фразеологизм, предположительно, восходит к сюжету басни Эзопа о рыбаке, ловившем рыбу следующим образом: он с шумом мутил воду вокруг закинутых сетей, загоня в них ослепленную и оглушенную рыбу.

По другим данным, фразеологизм восходит к обороту *ловить угрей* (из древнегреческого языка), в основе которого лежит представление о том, что угрей можно поймать только в мутной воде.

Образ фразеологизма основан на представлении о древнем способе ловли рыбы – сетями в мутной воде. Фразеологизм соотносится с акциональным кодом культуры, т.е. с совокупностью имен и их сочетаний, обозначающих различные аспекты деятельности и действия человека и отношение человека к ним. В этом образе метафорически переплетаются антропный и зооморфный коды культуры: поведение человека уподобляется действиям рыбака во время рыбной ловли.

Образ фразеологизма также соотносится с духовным кодом культуры, т.е. с совокупностью нравственных ценностей, представлений, установок. Компонент фразеологизма *мутный* входит в один ряд с такими качествами, как «грязный», «нечистый» и противопоставляется, соответственно, качествам «прозрачный», «чистый».

В образном содержании фразеологизм *мутный* символически осмысливается как атрибут нравственной нечистоплотности того, кто совершает действие, оцениваемое как недостойное, противоречащее нравственным установкам культуры. Фразеологизм в целом отображает стереотипное представление о нечистоплотном поведении, нацеленном на извлечение выгоды из нравственно неопределенной ситуации [2, с. 361].

Наши брат – мы и вам подобные, т.е. свои, товарищи по званию, занятию, ремеслу.

В данном примере наблюдается трансформация фразеологической единицы. А. Приставкин использует прием изменения лексического состава за счет расширения и сокращения компонента и изменения грамматической структуры (ср. *ловить рыбу в мутной воде* и *ловит только в мутной водичке нашего брата*). Компонент *мутная водичка*, безусловно, характеризует морально-этические качества начальника поселковой милиции по кличке Наполеончик, который кормится за счет ребят, заставляет их работать на своем приусадебном хозяйстве. К тому же употребление уменьшительного варианта (*водичка*) дает оценку действиям Наполеончика, умаляет его человеческие качества. Он ограничен, примитивен, мелок, труслив, он ничем не отличается от своих «воспитанников», может украсть, покалечить кого-то. Мы полагаем, что в данном контексте *мутная водичка* является характеристикой и места обитания героев повести, и той атмосферы, которая царит вокруг. В приведенном примере отмечается двойная актуализация, под которой понимается «совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и / или внутренней формы» [5, с. 20]. Такой прием используется для создания юмористического (иронического, сатирического) и игрового эффектов. За счет двойной актуализации значения фразеологического оборота происходит приращение смысла, за одним компактным выражением скрыт большой семантический объем.

Символьные компоненты фразеологических единиц не просто отображают представления народа, его верования, ценностные ориентиры, не просто именуют его составляющие, «они скорее интерпретируют мир, оценивают его» [6, с. 10]. Символьные компоненты фразеологизмов, обогащаясь авторскими коннотациями, способны передавать идею художественного образа.

Рассмотренные компоненты фразеологических единиц в повести имеют отрицательную коннотацию, негативную оценку и являются своеобразной характеристикой обитателей спецучреждения. Идеология того времени представляет героев как преступный, представляющий опасность «элемент», как неблагонадежную ячейку общества, с темным прошлым.

Список литературы

1. **Авдеенко И. А.** К вопросу о символе как конвенциональном знаке особого рода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 15-17.
2. **Большой фразеологический словарь русского языка.** Фундаментальные словари / отв. ред. В. Н. Телия. Изд-е 4-е. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
3. **Ковшова М. Л.** О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2009. № 1. С. 27-31.
4. **Мелерович А. М., Мокиенко В. М.** Межъязыковые фразеологические корреляты и языковая картина мира // Картины мира в славянских языках: мат-лы междунар. науч. симпозиума (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 24-26 марта 2009 г.). М., 2009. С. 275-276.
5. **Мелерович А. М., Мокиенко В. М.** Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Русские словари; Астрель, 2001. 856 с.
6. **Мигранова Л. Ш.** Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого: автореф. дисс. ... к. филол. н. Стерлитамак, 2010. 27 с.
7. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. **Приставкин А.** Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца // Приставкин А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: АСТ; Зебра Е, 2009. Т. 2. С. 265-478.
9. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд-е 2-е, стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза-Сят). 832 с.
10. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд-е 2-е, стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 4 (Т-Ящур). 864 с.

SYMBOLIC COMPONENTS IN THE SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS (BY THE MATERIAL OF THE STORY BY A. PRISTAVKIN “YOUNG CUCKOOS, OR THE LAMENT TO EASE THE HEART”)

Migranov Liliya Shatlykovna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
lilimigranova@gmail.com

The article by the material of the story by A. Pristavkin analyzes symbolic components of phraseological units. Development of linguo-culturological trend of phraseological studies leads the researcher to investigating the correlation of phraseological unit and signs of culture and actualizes the meaning of the system of symbols. Interpretation of figurative foundation included in the internal form of phraseological unit is showed on the basis of the correlation of an image of phraseological unit with the cultural codes.

Key words and phrases: phraseological unit; symbol; sign of culture; image; cultural codes.